

УДК 1+24

А.А. Загорнов, А.Б. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ВЛ. СОЛОВЬЁВА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ

В статье анализируются философско-правовые взгляды виднейшего русского мыслителя Вл. Соловьёва. Показано, что основные идеи философско-правовой доктрины сводятся к синтезу нравственности, религии, философии и права. Ключевыми категориями в философии права Вл. Соловьёва являются такие дефиниции, как «нравственность» («добро», «справедливость»), «религия», «всеединство» (или синтез), «право», «закон». Показана взаимосвязь основных постулатов доктрины мыслителя с современными философско-правовыми представлениями.

Введение

Обращение к философско-правовым идеям крупнейшего русского мыслителя второй половины XIX века не случайно. Они современны, как современны любые глубокие и системные идеи, поражающие нас проникновенностью в суть вещей и процессов. За этой общей констатацией стоят и вполне конкретные вещи: Вл. Соловьёв предложил целый ряд теоретических новаций, которые вызывают интерес у современных исследователей и могут быть востребованы в рамках общественной практики XXI века.

1

Первый вопрос, который следует задать себе, очевидно, будет выглядеть следующим образом: какое место занимает философия права в системе взглядов Вл. Соловьёва? Но такая постановка вопроса предполагает хотя бы краткое наше знакомство с системой его взглядов.

Центральным вопросом для системы взглядов мыслителя был вопрос церковный, христианский, религиозный. В данном контексте эти понятия выступают как синонимы. Христианство для Вл. Соловьёва всегда было безусловной истиной, исключая, конечно, краткий период нигилистических настроений в юности. Правда, форма, в которой христианство открылось человечеству, не всегда была исторически адекватной, отсюда желание философа «исправить» и «дополнить» христианство. Налицо были попытки примирить непримиримое: католицизм и православие, протестантизм и католицизм, веру и философию. Тяга к синтезу, к примирению, казалось бы, противоположных начал составляла вторую – после христианизации – особенность системы философствования великого идеалиста. Данный синтез оказался теоретически возможным на путях рационализации веры – принципа, восходящего к гениальным прозрениям Фомы Аквинского. Как итог теоретических исканий, формулируется принцип всеединства, методологически определяющий в системе взглядов Вл. Соловьёва.

Три основополагающие сущности лежат в основе философских построений русского мыслителя: абсолютное первоначало, мировая душа и София. Что касается первого, то это «первоначало всего существующего», которое «имеет духовный характер». Мировая душа характеризуется как «вечная женственность», то есть пассивное начало, воспринимающее воздействие творца [8, с. 89]. Что касается понятия «София», то его подробно проанализировал А. Лосев, указав на десять возможных интерпретаций дефиниции (абсолютный, космогонический, богочеловеческий и т.д.).

Вл. Соловьёв упорно пытался создать цельное мировоззрение, состоящее из синтеза науки, философии и религии. Кстати, далеко не всеми это приветствовалось. Из-

вестный деятель культуры той поры Н. Страхов, оценивая системообразующие идеи философа, писал Льву Толстому: «Соображая теперь все его лекции, я вижу, что он хотел произвести синтез востока и запада, слить в одну систему атомизм, дарвинизм, пантеизм, христианство и т.д.» [2, с. 160–161]. Однако всё было не так просто: для Вл. Соловьёва намного важнее было подчеркнуть приоритет религии, «отдавая дань» и науке, и философии. Правда, и у философии, и науки «забиралась» мировоззренческая функция: таковой могла обладать исключительно религия. Источником «высших истин» имела право быть только религия. Однако и здесь мыслитель оговаривает свою позицию рядом важных условий. Скажем, особую роль в выяснении религиозных истин играет разум, при помощи которого и происходит «постижение божества». Резко критикуется «слепое религиозное поклонение», а первым этапом «религиозного откровения» объявляется философский идеализм Платона.

Соловьёву присуща склонность к триадической диалектике (тезис, антитезис, синтез), однако такого рода триады никогда не выглядели мертвящей схемой в его творчестве.

В системе взглядов мыслителя рационализация веры выглядела доминантным мотивом творчества. Правда, представители богословской традиции выражали недовольство тяготением Вл. Соловьёва к римско-католической церкви, его стремлением «ввести пантеистическую струю в философскую систему». Но это «не оправдано, так как Бог, будучи более чем абсолютным, то есть сверхабсолютным, божественным ничто, не нуждается ни в человеке, ни в мире» [1, с. 148].

Философия Вл. Соловьёва по своему характеру является антропоцентричной: человек – вершина творения. Но она является и антропотеистичной: возрождение мира совершено богом совместно с человеком, который также выразил божественную идею гуманности. В частности, в центре истории стоит божественная личность Христа, победившая смерть и таким путём приобщившая мир преходящих явлений к вечной жизни, к безусловному началу. Повторяя известную мысль И. Эригены, Соловьёв представляет себе, что мёртвая материя, пройдя чрез среду человеческую, одухотворяется, становится живой.

Особую роль играли мистические настроения мыслителя. Не углубляясь в детали, заметим, что мистицизм у Вл. Соловьёва понимается как высшая форма познания, что само по себе и не образует философской системы. Конечно, здесь можно было заметить отступления от рационализма, и целый ряд современников мыслителя достаточно негативно отнеслись к подобным настроениям. В качестве примера приведём цитату из труда известного юриста Б. Чичерина, который, разбирая мистические настроения философа, писал в книге «Мистицизм в науке»: «Соловьёв, очевидно весьма мало знакомый с общественными науками, по-видимому, не подозревает, что его теория прямо ведёт к уничтожению труда, собственности, наследства, одним словом, к ниспровержению всех основ гражданского общества, всех гарантий личной свободы и к водворению самой неслыханной гарантии, которая когда-нибудь существовала» [7, с. 94]. Эта гарантия, о которой ведёт речь Б.Н. Чичерин – стремление «осуществить нравственное начало в материальном мире». Мы вернёмся ещё и к этой полемике, и к этой мысли, недооценённой, на наш взгляд профессором Московского университета. Пока же заметим: мистицизм – не только философская категория, но и категория политическая, правовая в системе идей мыслителя. Это особенно заметно при обращении к социальной философии Вл. Соловьёва.

Как полагал русский мыслитель, человек принадлежит двум мирам одновременно, материальному, откуда он вышел, и идеальному, к которому он стремится. Учёный

стремится преодолеть этот разрыв, поэтому столь много в его концепции терминов, указывающих на синтез, единство, систему. Скажем, «Богоземля», «Богочеловечество» и некоторые иные. И здесь важную роль играло понятие государства. Вообще государство мыслитель определял как «устой человечества против внешних, стихийных сил, действующих на него и в нём». Но это – лишь подход к теме, первые наброски существенных черт понятия. Роль государства, развивает свою мысль философ, сводится к тому, чтобы оно «как можно меньше стесняло внутренний, нравственный мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей» [4, с. 273]. Несложно заметить здесь две важные позиции: приоритет нравственности и стремление к синтезу. Само же государство появляется в результате договора, здесь мыслитель первоначально разделял основные константы политико-правовой теории второй половины девятнадцатого века. Однако он же в работе «Кризис западной философии» отмечал, что «давно уже брошена теория о происхождении общества и государства из договора...» [5, с. 129]. Объяснить эти расхождения можно тем, что «Кризис» увидел свет в 1874 году, это магистерская диссертация мыслителя, в которой присутствуют и положения, от которых он впоследствии отказался.

Генезис государственности выглядит следующим образом: первоначально единство церкви, государства, общества в форме теократии. Затем следует период обособления «национально-государственных форм», где приоритет, тем не менее, отдаётся не государству со всем его «внешним» могуществом, а отдельной личности, вся сила которой – в нравственности. Период буржуазных революций разрушил «внешнее единство», и начался распад общества на «атомы»: классы, слои, группы. Прогресс истории носит на этом этапе разрушительный характер, и судьба государства – ослабление и уничтожение. Но есть и спасительная мысль: человечество способно избежать абсолютного разрушения на путях реализации принципа, закона, идеи «свободной теократии», суть которой – в одухотворении человечества идеей бога. То есть вполне в гегелевском духе – от теократии «первобытной» к теократии «идеальной».

Смысл теократии – в осуществлении христианского идеала в обществе во всей его полноте, в намерении «синтезировать» общество, примирив взаимоисключающие начала. Теократическая схема представляется мыслителем в следующем виде. С одной стороны – «священство» как хранитель предания. С другой стороны – «царство», то есть мирская власть. Со стороны третьей – «пророчество», необходимое для определения будущего как социума, так и церкви. Государство, исходя из этой схемы, как социальный институт «входит» в церковь, являясь его составной частью. В принципе, перспективы государства – туманные, поскольку его роль сводится к «разграничителю интересов». А если интересы разграничивать не надо (а так и есть в свободной теократии), то государство должно постепенно отмереть.

Теократическая идея неразрывно связана с идеей богочеловечества. Её суть – в образе Иисуса Христа, являющегося, согласно православной догматике, и полным богом, и полным человеком. Его образ служит не только идеалом, к которому стремится индивид, но и высшей целью общества в целом, так как человечество в ходе развития должно всё более одухотворяться божественным началом.

Следует заметить в этом контексте одну интересную деталь. В своих работах социального характера Вл. Соловьёв, как Ф. Энгельс в своём известном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», обращался к идеям этнографа, историка Ф. Моргана. Однако принципиально разные методологические подходы привели и к диаметрально противоположным выводам. Ф. Энгельс обосновал материалистическое обоснование истории, Вл. Соловьёв – специфику нравственной философии. Обращаясь к фактическим данным, собранным Ф. Морганом, русский философ полагал, что такие нравственные кате-

гории, как «стыд», «жалость» и иные, имеют важное методологическое значение. Это связано с тем, что все значимые события в обществе, будь то «почитание общих предков, взаимопомощь родичей, ограничения чувственности браками имеют нравственный источник и характер» [6, с. 235].

О нравственно-правовых аспектах концепции мыслителя мы подробно поговорим в следующем разделе, сейчас же хотелось бы заметить, что Вл. Соловьёв хорошо понимал сложность осуществления своего социального идеала. Но полагал его реализацию делом вполне реальным, причём особая роль в этом процессе принадлежит государству. От государства ожидалось, что оно может дать свободу религиозной истине, отменит то, что философ называл «принудительным православием», искоренит враждебное отношение к католицизму. Государство будет способствовать «концу истории», конечно, надо помнить, что такого рода конец – это царство Божие, говоря философским языком, «всецелое становление становящегося Абсолюта с Первоначалом» (формулировка В. Зеньковского).

Известно, что в конце жизненного пути мыслитель не раз говорил и об ином «конце истории», реальном завершении исторического пути человечества. Такого рода эсхатологизм, наиболее ярко проявившийся в известных «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899), связан не столько с кризисом идейного характера, сколько пониманием мучительности преодоления реальных проблем, реального зла. Отсюда и тема Антихриста, за тенью которого просматривается понимание неизбежности «свободы выбора зла».

Социальные вопросы в концепции мыслителя неизбежно и органично переплетались с проблемами этического характера, к которым мы и обратимся.

3

Этика – краеугольный камень русской философии в целом, поэтому далеко не случайно взаимосвязь этики и права – одна из доминантных идей философско-правовой концепции Вл. Соловьёва. К этому надо добавить, что основной труд философа в сфере нравственной философии называется «Оправдание добра», а тот факт, что среди первых рецензентов данной работы были такие видные юристы, как П. Новгородцев, Г. Шершеневич говорит о том, что правовая проблематика занимала не последнее место в системе взглядов мыслителя. Конечно, необходимо сразу же отметить, что синтез права, этики и религии не вызвал восторга ни у первого названного критика, ни у второго. Как не вызвал одобрения основной тезис философа у известного правоведа, общественного деятеля Б.Н. Чичерина, посвятившего критическому разбору теории права Вл. Соловьёва целую книгу – «Мистицизм в науке». Отметим общую позицию, присущую всем названным авторам: критика идей Вл. Соловьёва велась, как правило, с рационалистических позиций. И это не случайно, поскольку, например, Гавриил Шершеневич, профессор Казанского университета, был сторонником философского позитивизма, юридического догматизма. Павел Новгородцев, профессор права МГУ, докторскую диссертацию защитил по теме «Кант и Гегель в их учении о праве и государстве». Однако ни П. Новгородцев, ни Г. Шершеневич, ни Б. Чичерин не отрицали важнейшее значение концептуальных поисков автора «Оправдания добра» в сфере правовой науки. Следует признать, что наиболее жёстко к идеям Вл. Соловьёва отнёсся как раз Б.Н. Чичерин. Критике подверглись фактически все основополагающие положения концепции, главным образом, за мистицизм, забвение рациональных постулатов, публицистичность изложения.

Если кратко охарактеризовать собственно этические взгляды мыслителя, то их суть можно свести к нескольким положениям. Первое: существует достаточно сложная связь между такими категориями, как этика, религия и метафизика. Нет возможности

думать, что здесь существует некая жёсткая предопределённость, коренящаяся именно в религиозном детерминизме. Причём отвергается и «этическая автономия», точнее, «отвлечённый морализм». Что уж тут говорить об «отвлечённой метафизике», которая воспринимается тоже критически. Мыслителю вообще были свойственны постоянные попытки преодоления разного рода «отвлечённых начал» во всё объединяющем синтезе. Сложность взаимосвязи между названными категориями заключается в том, что, с одной стороны, Вл. Соловьёв критиковал «отвлечённость», односторонность данных понятий, с другой стороны, стремился к их синтезу, но с третьей стороны, утверждал их же автономию. И исследователи до сих пор спорят, какой же принцип (этический, религиозный, метафизический) является приоритетным в системе взглядов русского мыслителя. Хотя, конечно, авторитет веры непререкаем. Но и на это можно возразить цитатой из «Оправдания добра»: «Нравственная философия не зависит всецело от положительной религии» [4, с. 49]. Мы в данном случае не будем утверждать приоритет той или иной позиции, того или иного принципа. Подчеркнём лишь, что право по отношению к данным категориям всегда занимало подчинённое, второстепенное значение. Право «этизировалось», «обожествлялось», но никак не наоборот.

Второе: этическая система носит синтетический, примиряющий характер. Исследуя различные этические теории, особенно в работе «Оправдание добра», он вскрывает те или иные недостатки этих систем, но – что принципиально – не отвергает ни одну из них. Парадоксально: любая теория «годится», может быть востребована, будь то гедонизм, аскетизм, марксизм, платонизм или что-нибудь иное. Разве что заявленные теоретиками «принципы» могут быть востребованы как часть некоего общего, верховного принципа, который должен привести к созданию «идеального» общества. Это идеальное или нормальное общество представляется философу как свободная общинность, где все составляют цель для каждого и каждый для всех. Эта цель может быть реально достигнута, если государство будет носить правовой характер, если экономические отношения будут выстроены так, что «правда социализма» реализуется в справедливых экономических отношениях, если духовное руководство церкви перестанет носить искусственный характер.

Третье: нравственная деятельность не носит исключительно абстрактный, теоретический, отвлечённый характер. Смысл этических конструкций в их возможном применении к обществу, реализации важнейших практических задач. Этика – это практика конкретного действия, в этом смысл подхода мыслителя к ней. Здесь присутствует сложная взаимосвязь категорий: этика – это нормы общежития, но таковыми они могут стать лишь тогда, когда философский ум сформулирует их основополагающие принципы на основе опыта развития человечества, как духовного, так и материального. Конечно же, то «добро», которое пытается оправдать философ, связано, главным образом, с царством Божиим, с конкретным воплощением феномена богочеловечества, с оправданием смысла существования людей, духовным, по форме и содержанию.

Причём, как верно замечает А.С. Яценко, «так понимаемое Царство Божие, будучи целью религиозной, тесно связывается в то же время и с юридической организацией общества» [9, с. 21]. То есть откровение Христа может быть делом только общественным, но никак не исключительно личным. Но общество выдвигает в этом контексте свои требования к реализации христианского идеала, поскольку у него свои законы функционирования. «Совершенное добро» носит идеальный, религиозный характер, но оно обесмысливается, если отсутствует основа, предмет для его реализации. Конечно, такого рода реализация – дело исторически длительное и сложное, но оно реально исключительно в рамках указанной диалектической связи. Как фиксирует тот же А.С. Яценко, «добро обосновывается на анализе человеческой природы и на мистическом акте религиозной веры. Право же оправдывается оправданием добра, так как оно

есть лишь осуществление добра, одна из ступеней его реализации» [9, с. 21]. Обратимся же более подробно к правовой проблематике.

4

У Вл. Соловьёва нет специальных правовых работ, он и сам себя называл «одиноким и плохо вооружённым волонтером, вступающим в огромный и грозный стан юридической науки». Однако его система предполагала анализ общих правовых вопросов о природе права, о связи права с нравственностью, религией и метафизикой, о юридических нормах и т.д. Да, Вл. Соловьёв не юрист, но виднейшие представители философии права не были юристами (от Аристотеля до Гегеля).

Для взглядов мыслителя характерно уважительное отношение к идее права. Право – это минимум нравственности, обязательный для всех. Естественное право – это формальная идея права, рационально выведенная из общих принципов философии. Естественное право и положительное право не имеют некой «разграничительной» смысловой линии: это два различных взгляда на один и тот же предмет.

Но точно так же и право, и нравственность не имеют между собой жёсткой разграничительной линии. Это связано с тем, что «действительное противоречие и несовместимость существует не между правом и нравственностью, а между различными состояниями как правового, так и нравственного состояния» [4, с. 444]. Весь вопрос тогда заключается в том, что должна существовать некая «общая идея права», некая концептуальная «правовая норма», исходя из которой мы можем адекватно определить как право, так и нравственность.

Определение права даётся мыслителем в разных смысловых полях, разных контекстах. Скажем, «что такое право, как не выражение правды?» [4, с. 447], и контекст здесь очевиден, контекст нравственный. Однако, далее, «есть, кроме нравственного, ещё и другое право, то есть в другом, тесном смысле, или право как такое, которому нравственный характер не принадлежит как его прямое и ближайшее определение» [4, с. 447]. Здесь контекст сугубо формализованный, догматический. Но может быть контекст и антропологический. «И нравственный, и юридический закон, – пишет мыслитель, – относятся, собственно, к внутреннему существу человека, к его воле, но первый берёт эту волю в её общности и целостности, а второй – лишь в её частичной реализации...» [4, с. 449].

Отсюда следует определение собственно права, которое имеет несколько редакций. Одно из них, классическое, даётся в 27 главе «Оправдания добра»: «Право есть принудительное требование реализации определённого минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [4, с. 450]. Существуют и иные определения. Скажем, «Право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага» [4, с. 453]. В этом же методологическом, нравственно-философском контексте определяется закон: как «общепризнанное и безличное (т.е. независящее от личных мнений и желаний) определение права или понятие о должном (в данных условиях и в данном отношении), равновесии между частной свободой и благом целого» [4, с. 459]. Обращает на себя внимание несколько принципиальных моментов доктрины. Первый: философ стремится выдержать как формальный, так и этический критерий определения права. Второй: существуют как общепринятые формулировки (защита личных и общественных интересов), так и свойственные именно данному мыслителю мотивы (не допущение зла). Третий: право немыслимо без свободы. На, последнем положении задержим наше внимание.

Если судить по формальным признакам, то право есть свобода, обусловленная равенством. Однако свобода сама по себе ещё права не образует. Самый благодарный из авторов, пишущих о Вл. Соловьёве, А.С. Яценко замечает, что это не оригинальный

подход. Многие мыслители субъективно-идеалистической школы (И. Кант) полагали, что юридический закон есть предписание действовать так, чтобы свобода одного совмещалась со свободой всех и каждого, а субъективное право есть лишь внешняя свобода, охраняемая юридическими законами. Иные авторы (И.-Г. Фихте) считали, что право есть лишь нормы, регулирующие отношения людей, в которых каждый ограничивает свою свободу свободой другого, приписывая себе известную сферу деятельности и предоставляя такую же сферу другому. Особенность подхода Вл. Соловьёва заключалась в том, что он сделал акцент на понимании права как сугубо «отрицательно-го» феномена, а потому такого феномена, который не мог претендовать на роль верховного принципа человеческого общежития.

Право лишь устанавливает некие границы, полагал мыслитель, но сама подобная попытка не несёт в себе позитивного, созидającego начала. Позитивную нагрузку может нести (и несёт) нравственность, религия, но никак не право. Возвращаясь к свободе: именно церковь может дать «оценку свободы», именно церковь даёт идеал. «Право и религиозный идеал, – пишет А. Яценко, – у Соловьёва как бы два слитных и нераздельных отблеска одного источника света» [9, с. 27]. Другими словами, надо было доказать ограниченность этих «отвлечённых начал», взятых обособленно, чтобы придти к новому синтезу и новому пониманию доктрины.

Суть этого понимания – во взаимосвязи нравственного и правового начала. Нравственный принцип безусловен и абсолютен (в отличие от принципа права), более того, между правом и нравственностью существует тесная связь. И эта связь определяется именно той сверхзадачей, сверхцелью, которая и олицетворяется нравственностью. Однако между правом и нравственностью существуют и различия. Скажем, право требует реальной реализации «добра», а нравственность может ограничиться постановкой целей. Далее, общеизвестное: право предполагает принуждение. В каком-то смысле право здесь может пониматься как «внешний предел нравственности», «минимум нравственности», и это не могло встретить одобрения юристов, представляющих прежде всего позитивистскую школу. Не углубляясь в суть полемики, заметим, что речь здесь идет исключительно о противоборстве концептуальных, методологических позиций. Вл. Соловьёв основывался на объективно-идеалистической традиции, концепции всеединства, связанной с всеобщим синтезом и преодолением разного рода (фактически, всех) отвлечённых начал. Для юридического позитивизма было характерно неприятие такого рода рефлексии над правом (собственно, философской рефлексии в целом). Тот же Г. Шершеневич полагал, что понятие о государстве, праве может быть только одно – социологическое. Право же выражает интересы господствующих слоёв населения, вне нравственных, религиозных констант.

Но у Вл. Соловьёва были не только критики, но и защитники. Один из них, конкретизируя учение мыслителя, замечал: «Сопоставляя право и нравственность, надо брать их в однородных условиях, в данную эпоху у данного народа, а не противопоставлять искусственно вырванную юридическую норму из исторической обстановки нравственным воззрениям людей совершенно в другой период времени» [9, с. 34].

Подытоживая сказанное, заметим, что ключевыми категориями в философии права Вл. Соловьёва являются такие дефиниции, как «нравственность» («добро», «справедливость»), «религия», «всеединство» (или синтез), «право», «закон». Очевидно, последовательность или иерархичность понятий должна быть именно такой. Необходимыми для реализации принципов права мыслитель считал личную свободу, равенство перед законом, общее благо (минимум нравственности), принуждение. Здесь появляется и ещё один термин, который не часто характеризуется в работах по философии права, а именно – принцип равновесия. Право есть равновесие между личной свободой и общим благом. Это форма некоего баланса. Собственно, и понятие «закон» ха-

рактизуется при помощи этого же термина (см. выше). И, конечно, право немислимо без государства. Об этом уже говорилось, скажем лишь главное: государство представляет лишь «внешнее равновесие», подлинное равновесие оно может приобрести в случае своего правового характера и нравственного «взаимопроникновения» всех сил общества. Высшую цель своей деятельности государство получает от церкви.

5

Нам осталось обратиться к некоторым современным оценкам идей, высказанных великим русским мыслителем. Мы попробуем сфокусировать основные мысли в виде ряда положений. Первое из них: доктрина Вл. Соловьёва привлекает внимание не только с точки зрения академического интереса. Она современна в том смысле, в каком современны любые попытки решения актуальных правовых проблем с помощью обращения к этике. Утилитаризм, сугубый прагматизм не имели перспектив в рамках философско-правовых теорий в конце девятнадцатого века, не имеют они научных (как минимум) перспектив и в начале века двадцать первого. Критика мыслителем «отвлечённых начал» сохраняет свою актуальность поныне, что подтвердил, в частности, кризис марксистского правопонимания, марксистской философии. Как оказалось, догматизм любого рода, даже под флагом «единственно верного учения» не неприемлем, и призыв «синтезировать» истину может быть востребован теоретиками уже новой волны, нового поколения.

Безусловно, сохраняя контекст размышлений философа, сегодня трудно говорить о таких теоретических концепциях, практических политических процессах, как, например, процесс теократический, идея синтеза православия и католичества в форме «свободной теократии» в виде альянса римского первосвященника и русского царя. Но не вызывает сомнений целесообразность постоянно «оправдывать добро», другими словами, находить этому оправданию аргументы уже современного характера.

Второе: проблема добра и зла, которые мыслитель привнёс в обсуждение, казалось бы, столь формалистичных явлений, какими являются явления правовые, меньше всего коренится в мистических настроениях Вл. Соловьёва. Дело здесь в ином: добро и зло – это категории, которые в теоретическом аспекте востребованы любым научным обществом, в том числе и современным. Причём надо помнить, что в восточнославянском философском, мировоззренческом, правовом контексте вопросы этики традиционно занимают одно из первых мест. Мы обращаемся к проблемам добра и зла, апеллируя к праву, не только потому, что это связано с традицией, с идеями и настроениями наших предшественников. Опыт свидетельствует в пользу того, что исключительно формальные определения, относящиеся к позитивному праву и дистанцирующиеся от права концепты естественного (природного) порядка бессмысленны и непродуктивны.

Конечно, в этом плане закономерно встают вопросы, связанные с той «научностью», «рационализацией», которые часто выдвигались в форме противовеса этическим, историческим, ментальным концептам и были популярны не одно прошлое столетие. Но согласимся: если бы юридический позитивизм, в частности, был столь плодотворен, а предлагаемые им (да и не только им) формальные средства столь универсальны, то мы не говорили бы сегодня о важности нравственных критериев в праве.

Третье: если задуматься, то Вл. Соловьёв фактически стоял перед теми же проблемами, перед которыми стоит и современная философия права. Мы ведь чем обогатились за последний век? Констатацией того, что «измов», или, по терминологии мыслителя, «отвлечённых начал», может быть максимально много, но говорить о той или иной концепции, той или иной системе взглядов как об «абсолютной», «совершенной», «законченной» мы не можем и сегодня. Свидетельством того, что попытки построить правовую доктрину на основах сугубо формальных, не связанных с историей, традици-

ей, ментальностью не увенчались успехом. И потому мы вновь приходим к нравственности как важнейшему критерию правовой, а следовательно, человеческой деятельности, деятельности и нас самих, и наших теоретических предшественников.

«Человеческое измерение» права, к которому призывал Вл. Соловьёв, конечно же, тесно связано с религиозными представлениями, религией как социальным и сверхприродным феноменом. Причём следует особо отметить, что такого рода понимание популярно и сегодня. В частности, приведём одно замечание из работы доктора юридических наук, профессора Р.А. Папаяна из книги с примечательным названием: «Христианские корни современного права». Автор чётко формулирует свою основную мысль: его книга есть «напоминание о том, что, как бы не развивалась правовая мысль, истоки права остаются незыблемыми и восходят к рождению человека, к основам, открытым человечеству на заре его формирования и представленными в Книге Книг, называемой Библией» [3, с. 11]. В книге фактически перефразируется известная мысль Вл. Соловьёва, что будущее, в том числе правовое, – в христианстве, и эта констатация не противоречит тому, что христианство – это и наше прошлое, и наше настоящее. Полемизируя с критиками этой точки зрения, современный учёный замечает: «Разительный парадокс заключается в том, что почему-то основанность своих правовых норм на религиозно-нравственных ценностях христианства считается ходом назад, а вот почти полное базирование сегодняшних правовых представлений на языческом в своей основе римском праве считается весьма прогрессивным» [3, с. 19].

Есть и ещё один актуальный момент, подтверждающий жизнеспособность теоретических поисков мыслителя: современный кризис обществознания, в частности, и духовности, в общем. Говорят (и справедливо) об этом кризисе столь много, что возвращение к классическим формулировкам позапрошлого века, утверждающим приоритет нравственности, религиозной нравственности, сегодня вовсе не выглядит надуманным. Место выдающегося русского мыслителя в контексте современных исканий представителей философско-правовой мысли как раз и определяется тем, что приоритет нравственности выглядит убедительным, несмотря на все продолжающиеся попытки формализовать, «технизировать» право, придать ему черты «геометрии», совсем в гоббсовском духе. И дело ведь не только в этой констатации, важной самой по себе. Принципиально то, что Вл. Соловьёв предложил систему знания, в рамках которой философия права заняла своё, строго очерченное, определённое место. Отсюда следует, что понять, принять идею синтеза нравственности, религии, права, метафизики можно исключительно в русле тех основополагающих постулатов философской, политико-правовой доктрины, о которой шла речь выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М. : Наука, 1981.
2. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. – СПб. : тип Стасюлевича, 1914.
3. Папаян, Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. – М.: Норма, 2002. – 416 с.
4. Соловьёв, В.С. Сочинения в двух томах. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
5. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в двух томах. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
6. Соловьёв, В.С. Собрание сочинений в 10 томах / В.С. Соловьёв. – 2-е изд. – М. : Просвещение, Т.8.
7. Чичерин, Б.Н. Мистицизм в науке. / Б.Н. Чичерин. – М., 1880.
8. Шапошников, Л.Е. Философские портреты / Л.Е. Шапошников. – Нижний Новгород, 1993. – 221 с.

9. Яценко, А.С. Философия права Владимира Соловьёва. Теория федерализма / А.С. Яценко. – СПб. : Алетейя, 1999. – 254 с.

Zagornov A.A., Lepeshko A.B. VI. Soloviev's philosophy of law in the system of philosophical and legal concepts

Philosophical and legal judgments of VI. Soloviev who is one of the finest Russian philosophers are analyzed in the article. It is pointed out that the basic ideas of the philosophical and legal doctrine are brought to the synthesis of morality, religion, philosophy and law.

Such definitions as «morality» («good», «justice»), «religion», «unity» (or synthesis), «law» are fundamental concepts in the VI. Soloviev's philosophy of law. Also correlation of the main postulates of the philosopher's doctrine with modern philosophical and legal conceptions is characterized.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.10